

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

154

РАННИЕ КОЧЕВНИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1978

ширные размеры, можно предполагать и его исключительно высокий хозяйственный потенциал.

Учитывая, что поселение у с. Дурены — одно из многих на землях сюнну, можно отчетливо представить ту значительную роль, которую они играли в хозяйстве этого общества. Преобладание кочевой основы в хозяйстве сюнну не снимает того обстоятельства, что ремесленно-земледельческая часть была жизненно необходимым условием существования и развития общества сюнну.

Оценка значительной роли поселения у с. Дурены в общей системе памятников сюнну находится в прямой связи с его огромными размерами (рис.). Четко прослеживающееся деление этого поселения на три части (Верхние, Средние и Нижние Дурены) вызывает вопрос об их хронологическом взаимодействии. Материал из разведочных раскопов 1972—1975 гг. позволяет датировать все поселения временем от II в. до н. э. до I в. н. э.¹² и предполагать одновременное существование всех его частей. Возможно, поселение у с. Дурены продолжало существовать и позже (находки керамики уйгурского типа), однако для аргументации этого положения материалов еще явно недостаточно.

¹ Давыдова А. В. Иволгинское городище — памятник хунну в Забайкалье. Автореф. канд. дисс., Л., 1965; Davydova A. V. The Ivolga Gorodishce a monument of the Hiungnu culture in the Trans-Baikal Region. — Acta archaeologica, 20, 1968.

² Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам), вып. 1. М., 1968, с. 51; вып. 2. М., 1973, с. 28.

³ Таскин В. С. Материалы по истории сюнну, вып. 2, с. 28, 29, 70.

⁴ Давыдова А. В. Иволгинское городище.

⁵ Пэрлэ Х. К истории древних городов и поселений в Монголии. — СА, 1957, № 3, с. 43—53; Киселев С. В. Древние города Монголии. — СА, 1957, № 2, с. 92, 93; Шавкунов Э. В. Обследование гуннских городищ в Монголии. — АО 1972 г. М., 1973, с. 506, 507.

⁶ Пэрлэ Х. К истории древних городов..., с. 44.

⁷ Там же.

⁸ Протоколы РГО, Протоколы собрания Троицко-Савско-Кяхтинского отделения РГО, № 6—8, 1896, с. 16.

⁹ Сосновский Г. П. О поселении гуннской эпохи в долине р. Чикоя (Забайкалье). — КСИИМК, XIV, 1947, с. 35—39.

¹⁰ Подсчеты количества сошников производились в основном по неизданным материалам из фондов Кяхтинского музея.

¹¹ Сосновский Г. П. О поселении гуннской эпохи...

¹² Радиоуглеродный анализ древесины из столбовой ямы в жилище 2 в Верхних Дуренах, произведенный в радиоуглеродной лаборатории ЛОИА АН СССР (Ле-909), показал дату 20 г. н. э. ± 60 лет.

А. К. АБЕТЕКОВ

О ПОГРЕБЕНИИ СОБАКИ В УСУНЬСКОМ КУРГАНЕ В ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЕ

В могильнике Карагай-Булак, расположенном близ ущелья Иссук-Ата в Чуйской долине, в 1974 г. был раскопан курган 9. Это округлый в плане холм диаметром 15 м, высотой около 1 м. Расчистка кургана позволила реконструировать первоначальный вид надмогильного сооружения¹. На дневной поверхности крупной галькой была выложена ограда в форме эллипса высотой четыре-пять рядов. Над оградой была сооружена земляная насыпь, над ней в свою очередь сделан новый панцирь из гальки. Сверху образовался тонкий дерновый слой (рис. 1).

Внутри центральной ограды обнаружено зольное пятно (глубина 0,7 м), содержавшее обугленные кости, обломки керамики и куски сторванного войлока. На глубине 0,9 м под пятном найдена передняя часть

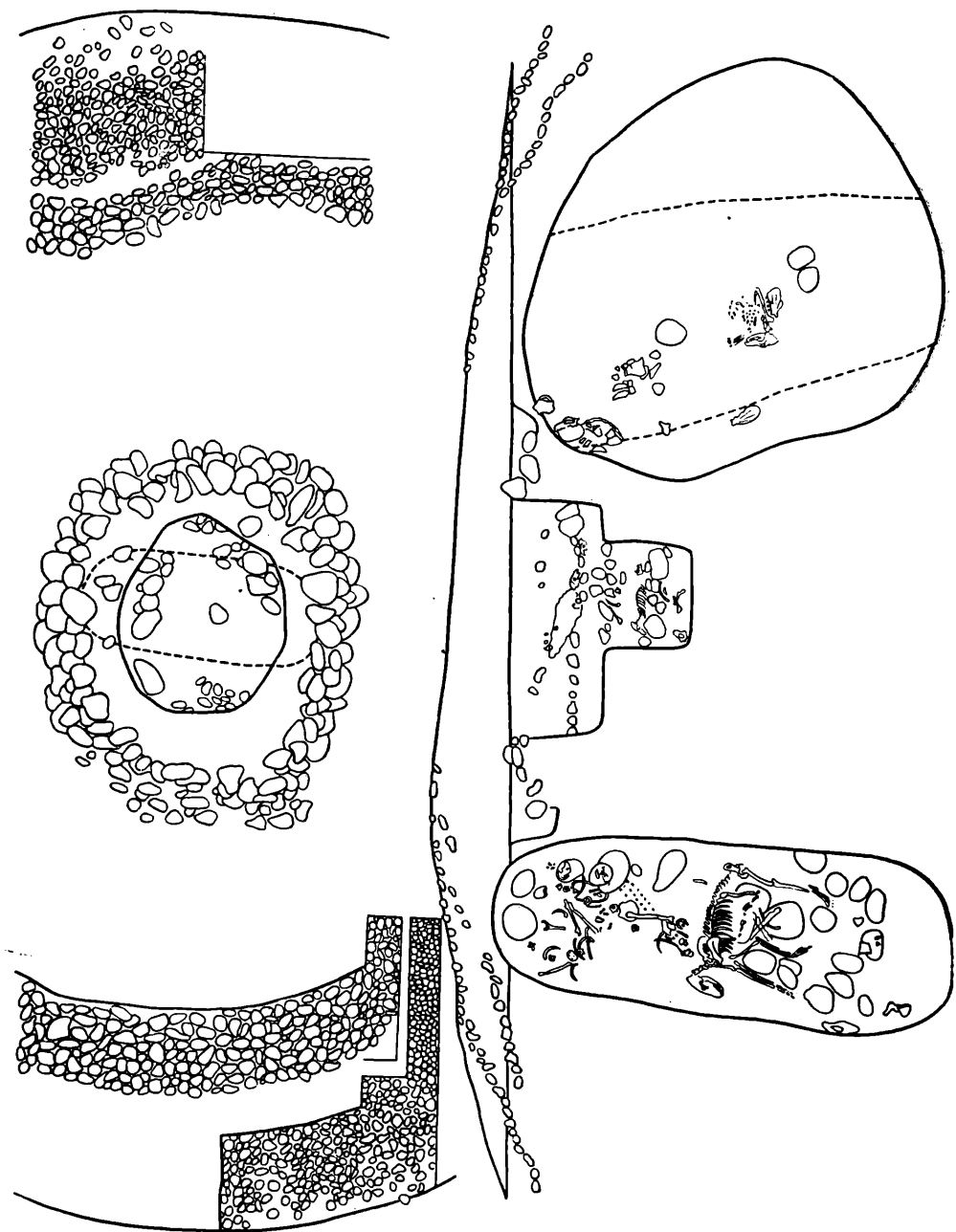

Рис. 1. Карагай-булак, курган 9 (план и разрез)

скелета собаки, положенной на войлочную подстилку. Войлок и некоторые кости собаки сильно обуглены. Непосредственно под собакой обнаружены остатки вымостки из камней, перекрывавшей могильную яму. Среди камней встречены многочисленные фрагменты керамики и череп второй собаки без нижней челюсти.

Под скелетом первой собаки, после расчистки подстилавших его камней, обнаружена овальная могильная яма размерами 2,8×1 м и глубиной 1,8 м, ориентированная с северо-запада на юго-восток. В заполнении могильной ямы встречены разрозненные кости взрослого человека. На глубине 1,6 м оказался скелет третьей собаки в полном анатомическом порядке (рис. 2). По обе стороны от него среди камней найдены фрагменты керамики и лежавшие в беспорядке кости взрослого человека. Глубина дна могилы 1,8 м.

В кургане на разных уровнях обнаружены фрагменты не менее десяти разных керамических сосудов, из которых восстанавливаются: а) плоскодонный кувшин с вертикальной ручкой, сделанный на гончарном круге, стенки довольно толстые, обжиг хороший, тесто с примесью песка, венчик слегка отогнут; б) тонкостенная плоскодонная чаша, изготовленная на гончарном круге, венчик слегка отогнут, под венчиком семь горизонтальных желобков, тесто без примеси органических веществ; в) лепная плоскодонная чаша с венчиком, тесто грубое, обжиг хороший (фрагменты этой чаши собраны по всей глубине заполнения могильной ямы).

Кроме этих сосудов, в кургане найдены ручки, фрагмент стенки с основанием ручки, фрагмент крышки котла, украшенной по краям защипами, и обломки еще четырех лепных сосудов из грубого теста.

Мы можем частично восстановить события, происходившие здесь после захоронения человека. Спустя длительное время (после того как полностью разложились связки костей), могила была ограблена. После этого (трудно установить, через какое время) могилу перекрыли камнями и на них похоронили собаку. Затем на более высоком горизонте, на перекрытии из камней была сожжена и погребена вторая собака. И хотя в Карагай-Булакском могильнике между захоронением собак и погребением человека отсутствует реальная связь — они разновременны, но тем не менее сам по себе обычай хоронить собак как культовых животных заслуживает особого внимания. Аналогичные захоронения на памятниках кочевого населения Киргизии и Казахстана неизвестны. Однако такое захоронение, по-видимому, не случайно. Можно предположить, что этот обычай связан с религиозным мировоззрением жителей Карагай-Булака. Очевидно, он идет от ритуалов зороастризма.

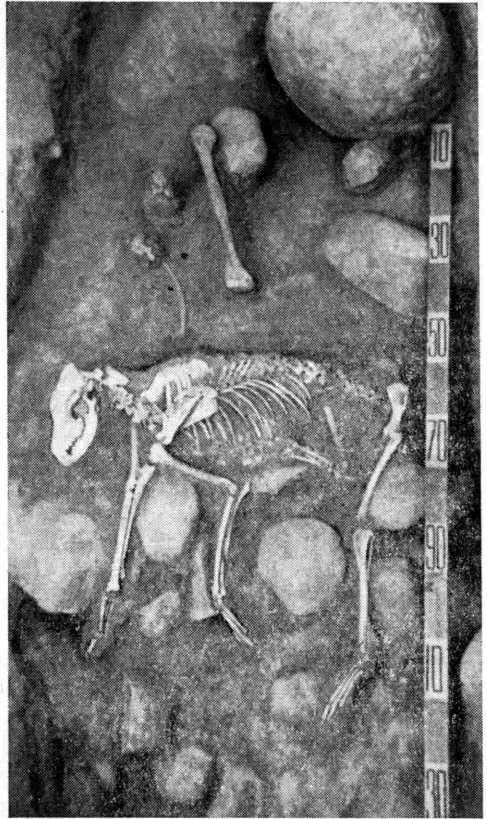

Рис. 2. Скелет собаки в могильной яме кургана 9

Рассмотрим некоторые археолого-этнографические параллели, связанные с культом собаки у разных народов.

Б. А. Литвинский отмечает, что в Авесте рассказывается, как душа умершего добирается до Чинватского моста, где происходит ее допрос, а затем прекрасная девушка в сопровождении двух собак ведет душу верующего через мост к «стене», образующей границу небесного мира. Отсюда душа направляется к Ахура-Мазде². В связи с культом собаки как «волшебного существа» интересно описание церемоний «сагдид» в Видевдате: к умершему человеку подводят собаку для того, чтобы она поглядела на труп. Эта церемония связана с зороастрийскими представлениями о дружках — порождениях Ангро-Манью, злобных существах женского пола. Одно из них — Насу — вселяется в тело человека сразу же после того как душа его покинет. На любого, приблизившегося к мертвому, Насу способна наслать болезнь или даже смерть. С целью изгнания Насу и производилась церемония «сагдид»³.

Как полагает Б. А. Литвинский, близкие представления существовали и в древнеиндийской мифологии. Там также имеется «мост мертвых», согласно Ригведе (X, 14, 1) путь в загробный мир пересекает большой водный поток, у индийского бога смерти также имеются собаки⁴. В этой связи интересно отметить, что древние индийцы представляли себе месяц в виде небесного пса. Рога молодого месяца они отождествляли с клыками собаки и считали, что небесный пес принадлежит солнечному богу, который ставит ночью верного пса караулить свое жилище. Как собака охраняет ночью дом хозяина, так месяц с высоты небес наблюдает за сном человека⁵. Исследователи пришли к выводу, что такого рода верования восходят еще ко времени индоиранской общности. Б. А. Литвинский обращает внимание на специальные захоронения собак, иногда волков и козлов, на памятниках древней Индии⁶.

В литературе уже отмечалось, что «у древних персов собаки окружались величайшим почетом, ибо считалось, что в них помещаются человеческие души после смерти. Поэтому труп человека отдавался на съедение собакам, бродившим повсюду в большом количестве»⁷.

В Авесте встречается ряд указаний на то, что религия Ахура-Мазды берет под свою защиту собаку как животное, созданное самим богом: «Кто убьет одну из этих собак — пастушью, деревенскую, охотничью и обученную, того душа, полная страха и болезни, идет из этого (мира) в мир надземный... и не может другая душа его душе по смерти оказать помощь, ибо страх и ужас внушает она тому миру, и помогают ей обе собаки, стерегущие мост Чинвата после смерти, ради страха и ужаса, наводимого ею»⁸. Таким образом, «человек, убивший собаку, по религии Зороастра лишается всех благ будущей жизни: его не допустят до жилища правоверных две собаки, охраняющие мост Чинвата, по которому душа достигает этого жилища»⁹.

В погребальном обряде у племен ухуань и сяньби (конец I тысячелетия до н. э. и первые века нашей эры) собаке также принадлежала особая роль. «Именно собака была у них проводником души покойного в загробный мир, она приобщала душу умершего к его ранее ушедшим „в тот мир“, на гору Чишань, духам предков»¹⁰. В Хоуханьшу говорится, что ухуаньцы «берут одну откормленную собаку и ведут ее на цветном шнурке; также берут лошадь, на которой покойник ездил, его одеяние и вещи и все это сжигают, и несут за гробом для препоручения собаке, чтобы она охраняла душу умершего до горы Чишань»¹¹.

Интересно, что одна из групп племен, отколовшаяся от сяньбийцев еще в III в. н. э. и поселившаяся на другой, более отдаленной территории, длительное время сохраняла представления о собаке как о предке-то-теме¹².

Существуют сведения о происхождении древних жунов от бай-цюаня, т. е. белой собаки. В легенде отражен древний тотемический миф о про-

исхождении от животного предка. В данном случае группа жунов «имела предком» белую собаку, принадлежала к роду собаки. Эти сведения, как утверждает Л. Л. Викторова, относятся к глубокой древности, примерно ко II тысячелетию до н. э.¹³

Л. Л. Викторова обращает внимание на отголоски обычая, связанного с культом собаки. В свадебном обряде одной из этнических групп современного населения Монголии невеста, чтобы приобщиться к семейному очагу в доме мужа, прежде всего должна покормить собаку, надеть ей на шею хадак (ошейник) и пропеть собаке йораль (хвалебную песнь)¹⁴.

Для изучения религиозного мировоззрения древних кочевников-скотоводов Чуйской долины особый интерес представляют сохранявшиеся до недавнего времени у киргизов пережитки тотемизма, связанные с культом собаки. В сознании киргизов, как отмечает С. М. Абрамзон, они уцелели лишь в виде отдельных, сильно трансформированных пережитков¹⁵.

Не менее интересны археологические факты.

Рассматривая религиозные представления племен уюкской культуры Тувы, М. Х. Маннай-оол упоминает о захоронениях уюкцев «вместе с убитыми собаками»¹⁶. К сожалению, исследователь не дал описания погребального обряда и комплексов вещей и не объяснил значение этих культовых захоронений, раскрывающих некоторые особенности ритуала и верований древних жителей Саяно-Алтая скифского времени. Кости собаки вместе с костями овцы, лошади, козы и крупного рогатого скота отмечены в одном из больших курганов той же Уюкской долины Л. Р. Кызласовым¹⁷.

К. Ф. Смирнов неоднократно упоминает о скелетах собак вместе с разрубленными тушами барана и лошади в савромато-сарматских погребениях. В семи различных могильниках им обнаружены кости собаки. В кургане 4 у с. Норки «полный скелет собаки с черепом лежал на покойнике вместе с расчлененной тушей барана»¹⁸. В могильниках у сел Политотдельское (курган 6) и Усатовское (курган Г-13) найдены кости двух щенков и нижняя челюсть собаки¹⁹. Захоронения собак вместе с расчлененной тушей барана известны по дореволюционным раскопкам А. А. Спицына²⁰.

На Кавказе открыты изображения собаки разных периодов — от эпохи бронзы до раннего средневековья. Погребения собак известны на памятниках кобанской²¹ и фатьяновской культур²². Собака и лошадь часто встречаются в произведениях скифского искусства. Их нередко можно увидеть на скифских надгробных рельефах. Так, например, на одном из скифских надгробий среди сюжетов военного характера изображены две собаки, бегущие по полю битвы среди трупов убитых²³. В. А. Кузнецов обнаружил на позднеаланских дольменообразных склепах изображения пяти собак, которые, по его мнению, выполняли «охранные» функции, оберегая покой погребенных²⁴.

П. Н. Шульц отмечает, что обычай захоронения собаки вместе с хозяином, а иногда и вместе с его конями имел место у скифов и представлен в Крыму и на Таманском полуострове²⁵. Так, в кургане Васюринской горы у лестницы, которая вела в склеп, обнаружен остов собаки²⁶. Захоронения лошади и собаки открыты рядом с погребением скифского воина вблизи Нимфея на Керченском полуострове²⁷. Погребения собак встречаются в скифских курганах Нижнего²⁸ и Среднего Поднепровья²⁹. Ярko представлен обряд погребения собаки в мавзолее Неаполя скифского, где встречено три захоронения собак³⁰. М. И. Вязьмитина в насыпи одного из сарматских погребений обнаружила целый скелет собаки, расположенный над покойником³¹.

Специальное захоронение собаки — «в деревянном гробу и в особой яме» — обнаружено в Новоникольском I могильнике Нижнего Поволжья.

Этот обычай В. П. Шилов связывает с ролью собаки в скотоводческом хозяйстве у раннесарматских кочевых племен³².

Захоронения собаки в насыпи над погребальной камерой, а иногда в специальном каменном ящике известны на памятниках тагарского времени на Среднем Енисее³³. Очевидно, такой же ритуал был широко распространен и на Южном Урале. Об этом свидетельствует ряд захоронений собак под Челябинском³⁴. В Средней Азии на городище Ток-кала в одном из помещений на стене науса рядом с человеческим скелетом в оссуарии находились кости собаки³⁵, как и в одном из помещений раннесредневековой сельской усадьбы под Самаркандом³⁶. В некрополе Миздахкана наряду с погребениями человеческих костей в сосудах и оссуариях найдено погребение в бытовом сосуде предварительно очищенных костей собаки³⁷. В Тали-Барзу также найдены челюсти собак вместе с человеческими черепами и фрагментами оссуариев³⁸. Погребения людей с собаками обнаружены и в убейдском могильнике Эриду³⁹.

По вопросу о месте собаки в религиозном мировоззрении древних людей у исследователей нет единого мнения. Появление ритуальных захоронений собак в Средней Азии связывают с влиянием «канонизированного зороастризма Ирана на религиозную идеологию населения Средней Азии»⁴⁰. Другие считают, что собака, как и верховая лошадь, сопровождала своего хозяина скотовода в загробный мир как верный его помощник. Захоронения собак в сибирских памятниках эпохи палеолита и неолита В. М. Массон объясняет заботой «благодарного охотника о своем усопшем друге»⁴¹.

У нас нет пока возможности предложить четкую гипотезу по этому поводу. Но тем не менее представляется, что выводы наших коллег в некоторой степени не лишены категоричности и односторонности. Правда, В. М. Массон к этому вопросу подходит более осторожно, чем другие исследователи, допуская «многообразность трактовки культового характера этого животного». Действительно, в одних случаях собак хоронили вместе с хозяином, почти рядом с ним (как в мавзолее Неаполя скифского), в других — просто в насыпи кургана (сарматское погребение у с. Ново-Филипповка), иногда — в специальных деревянных или керамических гробах — оссуариях (Новоникольский могильник и некрополь Миздахкана), наконец, для собак устраивали и специальные «похороны» в могильной яме, на кошме или каменной вымостке (Карагай-Булак, курган 9).

Из всех перечисленных аналогий в хронологическом отношении к нашему кургану наиболее близко стоят памятники скифо-сарматской культуры с подобным же обрядом захоронения. Это позволяет думать, что курган 9 из Карагай-Булака синхронен сарматской культуре, быть может, ее более позднему этапу. Такое заключение, нам кажется, подтверждают результаты радиоуглеродного анализа, произведенного в лаборатории Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, по данным которого возраст кургана 9 из Карагай-Булака 2460 ± 200 лет до наших дней.

¹ Реконструкция надмогильного сооружения выполнялась по методике, разработанной М. П. Грязновым.

² Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972, с. 118.

³ Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970, с. 143.

⁴ Литвинский Б. А. Курганы и курумы..., с. 118, 119.

⁵ Миллер В. Ф. Значение собаки в мифологических верованиях. — Древности. Труды МАО, VI, 1876, с. 119.

⁶ Литвинский Б. А. Курганы и курумы..., с. 119, 120.

⁷ Соколова З. П. Культ животных в религиях. М., 1972, с. 6.

⁸ См.: Миллер В. Ф. Значение собаки..., с. 197.

⁹ Там же.

- ¹⁰ *Викторова Л. Л.* Ранние формы религии киданей. — В кн.: *Бронзовый и железный век Сибири.* Новосибирск, 1974, с. 264.
- ¹¹ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I. М., 1950, с. 143, 144.
- ¹² *Викторова Л. Л.* Ранние формы религии киданей, с. 264.
- ¹³ Там же, с. 263, 264.
- ¹⁴ Там же, с. 264.
- ¹⁵ *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этнические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 280.
- ¹⁶ *Маннай-оол М. Х.* Тува в скифское время (уюкская культура). М., 1970, с. 97.
- ¹⁷ *Кызласов Л. Р.* Этапы древней истории Тувы. — *Вестник МГУ, сер. ист.-филол.*, 1958, № 4, с. 77.
- ¹⁸ *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 102; *он же.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. — *МИА*, № 60, 1959, с. 316.
- ¹⁹ *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское..., с. 316.
- ²⁰ *Rau P.* Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929.
- ²¹ *Миллер А. А.* Изображения собаки в древностях Кавказа. — *ИРАИМК*, II, 1922, с. 321.
- ²² *Крайнов Д. А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Автореф. докт. дисс. М., 1967, с. 26.
- ²³ *Шульц П. Н.* Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953, с. 67.
- ²⁴ *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа. — *МИА*, № 106, 1962, с. 53.
- ²⁵ *Шульц П. Н.* Мавзолей Неаполя скифского, с. 63.
- ²⁶ Там же, с. 63.
- ²⁷ *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925, с. 389.
- ²⁸ Там же, с. 437.
- ²⁹ *Бобринский А.* Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. СПб., 1894, с. 85.
- ³⁰ *Шульц П. Н.* Мавзолей Неаполя скифского, с. 63.
- ³¹ *Вязьмитина М. И.* Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. — В кн.: *Вопросы скифо-сарматской археологии.* М., 1954, с. 222.
- ³² *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, с. 115.
- ³³ *Николаев Р. В.* Курганы тагарской эпохи у г. Красноярск. — В кн.: *Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края.* Красноярск, 1963, с. 99.
- ³⁴ Там же, см. примеч.
- ³⁵ *Гудкова Е. В.* Ток-кала. Ташкент, 1964, с. 86.
- ³⁶ *Шишкина Г. В.* Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом. — В кн.: *История материальной культуры Узбекистана*, вып. 2. Ташкент, 1961, с. 218.
- ³⁷ *Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К.* Некрополь древнего Миздахкана, с. 143.
- ³⁸ *Альбаум Л. И.* Балалык-Тепе. Ташкент, 1960, с. 101.
- ³⁹ *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, с. 35.
- ⁴⁰ *Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К.* Некрополь древнего Миздахкана, с. 143.
- ⁴¹ *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, с. 28.

М. К. КАДЫРБАЕВ, Ж. К. КУРМАНКУЛОВ

ПОГРЕБЕНИЕ ЖРИЦЫ, ОБНАРУЖЕННОЕ В АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Сведения античных письменных источников о гинекократии в савроматском обществе неоднократно были предметом специальных исследований. Наиболее полно, во всей совокупности античной традиции и археологических материалов, эта проблема была разработана Б. Н. Граковым¹. Гипотеза Б. Н. Гракова о связи савроматского женовластия с сильными пережитками матриархата в этом обществе получила дальнейшее развитие в работах К. Ф. Смирнова и А. М. Хазанова². Существует, как известно, и противоположная точка зрения, ставящая под сомнение значение материнского рода и его пережитков у савроматов³.

А. М. Хазанов верно подметил неоднозначность зависимости между положением женщины в обществе и характером его линейной принадлежности⁴. В самом деле, мнение о роде как об универсальной ячейке перво-

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1

1967

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

НОВЫЙ ПАМЯТНИК САСАНИДСКОГО ВРЕМЕНИ В ЮЖНОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ

Археологические памятники сасанидского времени на территории южного Туркменистана изучены весьма слабо. Характеризовались они главным образом по подъемному материалу.

С 1946 г. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) под руководством М. Е. Массона уделяет много внимания изучению раннесредневековых памятников Туркмении. В 1947 г. XI отряд ЮТАКЭ под руководством Б. А. Литвинского изучал маршрут древнего дорожника Исидора Харакского¹. Было обследовано несколько замков раннефеодального времени и ряд сасанидских памятников в районе между Ашхабадом и Кызыл-Арватом². В 1949 г. изучались сасанидские памятники у станции Душак и Меана³, а в 1948—1949 гг. изучение сасанидских памятников Ашхабадского района проводилось краеведом А. А. Росляковым, по линии общества «Юный историк» при Ашхабадском дворце пионеров⁴.

В 1951 г. сасанидские памятники Мисрианской равнины изучались В. М. Массоном⁵. В историко-архитектурном отношении памятники сасанидского времени юго-восточных районов Туркмении были исследованы Г. А. Пугаченковой⁶. Широкие раскопки слоев сасанидского времени проводились в древнем Мерве⁷.

Раннесредневековые замки подробно изучены в Беркут-калинском оазисе в Хорезме⁸. В Ташкентском оазисе раскапывалось Ак-тепе⁹, в Тохаристане — Балалык-тепе¹⁰. Исследован знаменитый замок на горе Муг в Согде¹¹.

В 1964 г. были поставлены стационарные раскопки на сасанидском замке Ак-депе в южном Туркменистане. Он был обследован ЮТАКЭ в 1947 г.¹², а в 1963 г. нами были произведены на этом памятнике разведочные раскопки. Летом 1964 г. сектором археологии Института истории, археологии и этнографии АН ТССР была организована экспедиция в юго-восточные районы Туркменистана с целью выявления и обследования памятников сасанидского времени¹³. В ходе работ было осмотрено 72 памятника, в том числе Ак-депе.

¹ М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ 1947 г.). Тр. ЮТАКЭ, II, Ашхабад, 1951, стр. 38.

² Б. А. Литвинский. Краткий полевой отчет о работе XI отряда ЮТАКЭ в 1947 г.— Там же.

³ М. Е. Массон. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. Там же, V, Ашхабад, 1955, стр. 208.

⁴ А. А. Росляков. Мелкие археологические памятники окрестностей Ашхабада. Там же, стр. 84—86.

⁵ В. М. Массон. Изучение культуры древнего Даехистана в 1951 г. Изв. АН ТуркССР, 1953, сер. обществ. наук, N 1.

⁶ Г. А. Пугаченкова. Раннефеодальное зодчество (IV—X вв.). Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, VI, Ашхабад, 1958, стр. 121.

⁷ М. Е. Массон. Краткая хроника..., стр. 208.

⁸ Е. Е. Неразик. Раскопки в Беркут-калинском оазисе в 1953—1956 гг. Полевые исследования Хорезмской экспедиции 1954—1956 гг. М., 1959, стр. 98; С. П. Голстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 137; А. И. Тереножкин. Археологические разведки в Хорезме, СА, 6, 1940, стр. 177.

⁹ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.). Тр. ИИА АН УзССР, I, Ташкент, 1940, стр. 72.

¹⁰ Л. И. Альбаум. Балалык-тепе. Ташкент, 1960, стр. 18—20.

¹¹ А. И. Васильев. Согдийский замок на горе Муг (предварительный отчет) Согдийский сборник. Л., 1934, стр. 18.

¹² М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская..., стр. 38.

¹³ В состав экспедиции входили: О. Оразов, А. Губаев.

На замке Ак-депе были проведены стационарные раскопки. Холм Ак-депе расположен в 4 км к северо-западу от станции Артык Ср.-Аз. ж. дороги. В 150 м к северу от Ак-депе проходит южный вал Мерв. Он тянется с перерывами с запада на восток от района Меана до Баба-Дурмаза, на протяжении около 200 км. На наиболее хорошо сохранившихся участках его высота — 1,5—2 м, а ширина — 2,5 м. Этот вал имел оборонное значение, и обитатели замка использовали его как стену, ограждающую с северной стороны усадьбы около замка.

Развалины замка Ак-депе представляют собой овальный холм длиной у подножия 114 м, шириной 115 м. Размеры его по верхней площадке 90 м на 54 м. В юго-западной части холма прослеживается довольно глубокая лощина, по-видимому, место бывшего въезда. Глубина ее от поверхности холма примерно 4—5 м.

Холм Ак-депе окружен рвом, проходящим в 5,5 м от его подошвы. Ширина рва около 12,5 м. У подножия холма, кроме юго-западной части, сохранился шлейф, идущий наружу с небольшим наклоном. Вокруг центрального холма Ак-депе на расстоянии 15—20 м имеются всхолмления различных размеров.

Раскопочные работы производились на вершине замка. Нами были раскрыты три жилых и одно хозяйственное помещение. Они заполнены плотно спрессованными обломками сырцового кирпича. В забутовке встречаются фрагменты керамики и кости животных. Там же было найдено десять пряслиц биконической формы из глины и одно пряслице из мрамора.

В юго-восточной части комнаты № 1 был обнаружен жернов и рядом подпяточный камень, а у юго-восточной стены этой же комнаты были найдены семена ячменя, пшеницы и тыквы.

В северо-западной части замка Ак-депе была заложена траншея длиной 30 м и шириной 2 м с целью выяснения характера внешнего края оборонительных сооружений. В траншее удалось обнаружить внешнюю грань обводной стены замка, прослеженной на высоту до 2 м. Первоначальная толщина этой стены около 2 м, но затем к ней с внутренней стороны была сделана прикладка той же толщины. В нижней части траншеи была вскрыта круглая в плане керамическая печь, сложенная из сырцового кирпича размера: $39 \times 42 \times 8-10$ см, $40 \times 40 \times 10$ см, $42 \times 42 \times 8-10$ см, $38 \times 38 \times 8$ см, местами сохранилась промазка толщиной 4—5 см. Высота сохранившейся части печи 2,60 м. Верхний диаметр ее в сохранившейся части — 2,5 м, диаметр дна печи — 3 м. Перекрытие печи сводчатое. Под, разделявший обжигательную камеру печи от топочной, не сохранился. Горн был пристроен с наружной стороны оборонительной стены. На полу печи в юго-западном углу были обнаружены обломки хумов (рис. 1).

Среди находок в печи интересны парные камни, возможно, служившие подплатником ручного гончарного круга¹⁴ (рис. 2, 8, 9).

На поселении в 50 м к северо-западу от замка был заложен шурф 2×2 м и глубиной 3 м. Шурф прорезал стену из сырцового кирпича толщиной в 30 см, идущую с востока на запад (размеры кирпича $38 \times 38 \times 8$ см). Были прослежены уровни пола постройки времени первого строительного периода Ак-депе. В шурфе много керамики, среди которой есть кувшины с высоким горлом, плавно переходящим к тулову. Большинство из них изготовлено на гончарном круге. Черепок в основном желтовато-красного цвета. Орнаментация у всех сосудов одинаковая: они украшены рельефными горизонтальными линиями, между которыми

¹⁴ В. А. Шишкин. Узбекская археологическая экспедиция АН УзССР (полевые работы 1956—1959 гг.). ИМКУ, 2, Ташкент, 1961, рис. 4; стр. 43; А. И. Тереножкин. Раскопки на городище Афрасаба. КСИИМК, XXXVI, 1951, рис. 37, 2, стр. 138.

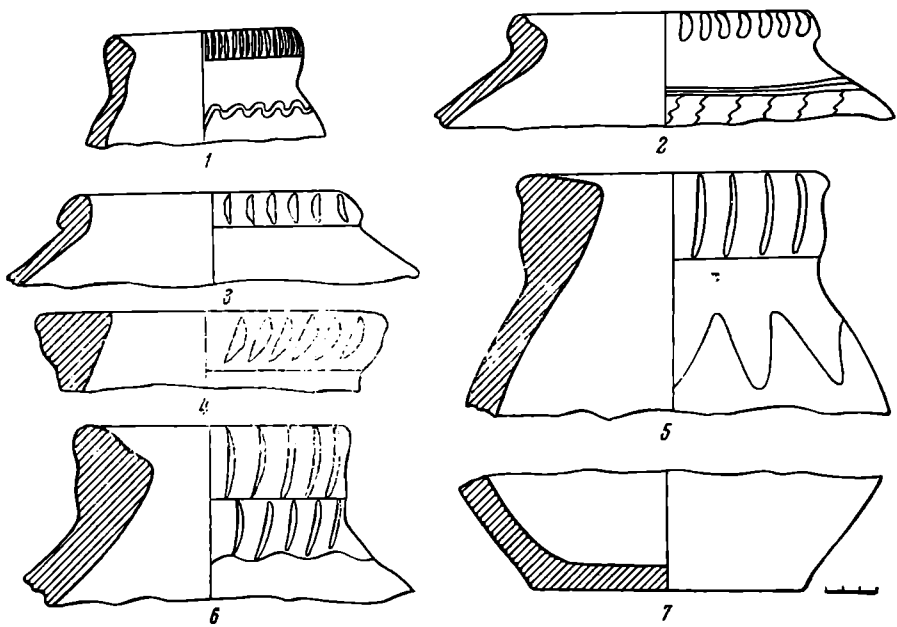

Рис. 1. Ак-депе. Хумы из гончарной печи

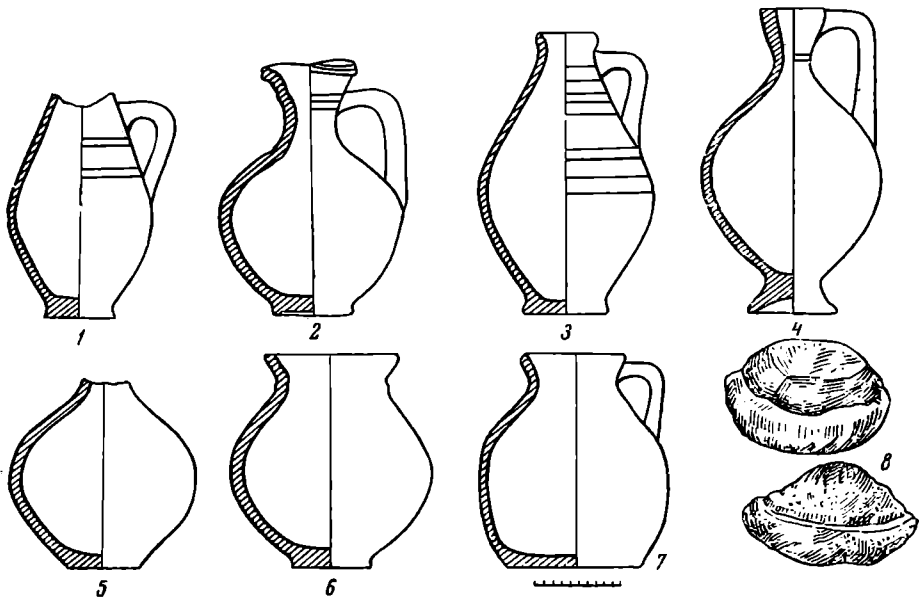

Рис. 2. Ак-депе

1—7 — кувшины, 8—9 — каменные подшпики от гончарного круга

заклучена полоса волнистого орнамента. По формам среди них выделяются кувшины с высоким горлом диаметром в 10—11 см и с сильно отогнутым наружу венчиком и кувшины с ручками, в верхней части которых имелся плоский упор для большого пальца (рис. 2, 3). Встречены и чаши, по технике изготовления похожие на кувшины. Венчик слегка загнут наружу. Наиболее частый диаметр устья 13—14 см, диаметр дна — 9—10 см. Толщина стенок — 0,7—0,9 см. Одна плоскодонная чаша имеет в дне круглое отверстие, сделанное до обжига. Большинство найденных хумов имеет невысокую шейку и округлой формы тулово. Встречены хумы с насечками по краю венчика, а иногда по всей его плоскости. Почти у всех хумов на нижнем крае венчика четко прослеживаются вдавления пальцем. Изготовлены хумы из глины с большой примесью дресвы

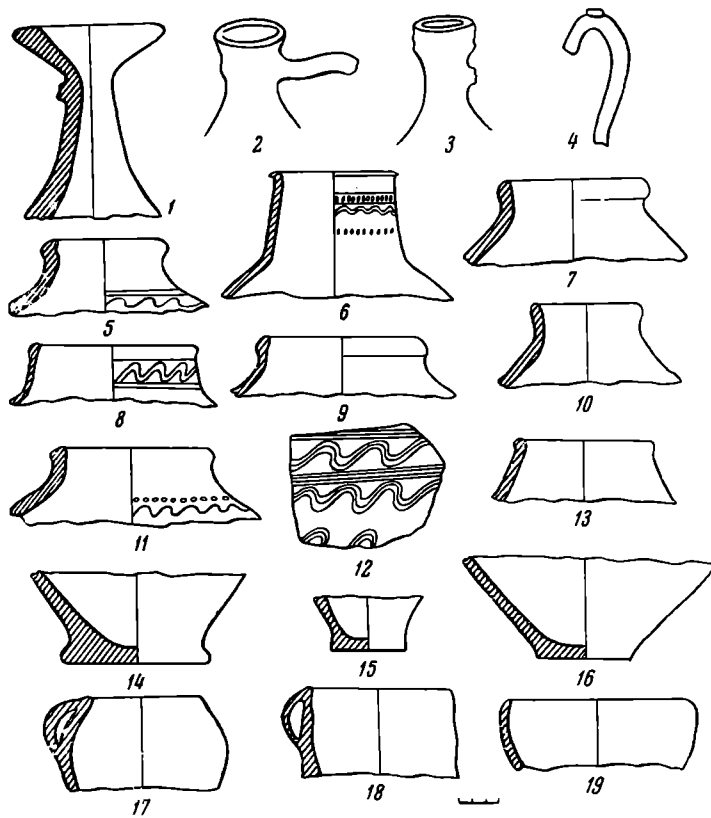

Рис. 3. Ак-депе. Образцы керамики

и шмота. Хумы, сделанные из грубого теста с примесью дресвы, покрыты красным и желтоватым ангобом, черепок в изломе — красный.

Подобного типа керамика распространена на поселениях сасанидского времени Мерва¹⁵ и в Беркут-калинском оазисе в Хорезме¹⁶. Ак-депинская керамика, сделанная на гончарном круте и имеющая плоско заглаженные стенки, больше всего похожа на керамику Дехистана¹⁷. Сходная керамика с процарапанным волнистым и зигзагообразным орнаментом имеется в Таджикистане¹⁸. Часть керамического материала по орнаменту и форме близка к согдийской керамике из Тали-Барзу V и Кафыркалы¹⁹. В Иране аналогии ей могут быть отмечены в раннесредневековых слоях Суз²⁰. Ак-депинские хумы довольно сильно отличаются от античных, почти не имеющих орнаментации, но зато находят прямые аналогии на соседних памятниках сасанидского времени, как например, Ак-депе у станции Баба-Дурмаза (МИХ-6); Дазлыхан-депе у Артыка (МИХ-10), Коша-депе у ст. Каушута (МИХ-16)²¹. Такие же хумы были найдены Б. Б. Пиотровским в Гяур-кале в Старом Мерве²².

¹⁵ Л. М. Рутковская. Античная керамика древнего Мерва. Тр. ЮТАКЭ, XI, Ашхабад, 1962, стр. 102.

¹⁶ Е. Е. Неразник. Керамика Хорезма Афригидского периода. Тр. ХАЭЭ, IV, М., 1959, стр. 226.

¹⁷ В. М. Массон. К истории парфянского и раннесредневекового Дехистана. Изв. АН ТуркССР, 2, 1961, сер. обществ. наук, стр. 40.

¹⁸ И. Б. Бентович. Находки на горе Муг. МИА, 1958, 66, стр. 362.

¹⁹ Г. В. Григорьев. Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда. Тр. Отд. Востока Эрмитажа, II, 1940.

²⁰ R. Koechlin. Les Cormaigues musulmanes de Suse en Musée du Couvert pr. MMAP, XIX, 1928, табл. I, рис. 7.

²¹ В. М. Массон. Хумы Нисы. (О некоторых формах неполивной керамики). Тр. ЮТАКЭ, II, Ашхабад, 1952, стр. 420.

²² Б. Б. Пиотровский. Разведочные работы на Гяур-кале в Старом Мерве. Материалы ЮТАКЭ, I, Ашхабад, 1949, стр. 37.

Керамика сасанидских памятников юго-восточного Туркменистана (Мерв) отличается от памятников юго-западного Туркменистана (Мисрианская равнина) тем, что там она часто богато орнаментирована. Для орнаментации, кроме процарапывания, широко применялись штампы и налепы.

Комплекс Ак-депе на основании раскопанных материалов и приведенных аналогий можно датировать V—VII вв.

Находки монет на полу одного из раскопанных помещений — серебряная драхма Иездигерда I (399—420 гг.), драхма Иездигерда II (438—457 гг.), четыре драхмы Варахрана V (или близких подражаний его монетам) — позволяют датировать конец жизни поселения V—VI вв.

Монеты Варахрана V и Иездигерда II были найдены в одном помещении. Вместе с монетой Иездигерда I была найдена сердоликовая гемма с изображением птицы, выполненным в штриховой манере. Таким образом, постройку замка следует отнести к периоду более раннему, чем V—VI вв. К подъемным находкам принадлежит поделка в виде ложного перстня с изображением гопатшаха в штриховой манере. Кроме того, была найдена на поверхности замка медная монета начала царствования Шапура I.

В ходе раскопок Ак-депе были обнаружены в верхнем комплексе два каменных жернова диаметром 26 см с центральным отверстием в 6 см. Г. Кларк отмечает появление ручных жерновов во II в. до н. э. и широкое распространение в дальнейшем в странах греко-римского мира на грани нашей эры²³.

Появление и широкое распространение замков типа Ак-депе помогает изучению социально-экономических процессов, происходивших в Средней Азии в раннее средневековье. С. П. Толстов писал, что «обилие указаний о многочисленных замках («хысы», «касп»), разбросанных в окрестностях среднеазиатских городов, является одной из предпосылок для возникновения представления о господстве в домусульманской Средней Азии феодального общественного строя»²⁴.

Появление замков свидетельствует об усилении роли аристократии, о становлении раннефеодальных отношений. Судя по найденным материалам, жизнь на Ак-депе продолжалась до конца VI в. Быть может, его гибель связана с бурными событиями в жизни Хорасана, когда он стал ареной столкновений сасанидского Ирана с эфталитским, а затем тюркским объединением.

²³ Дж. Г. Д. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 120.

²⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 150.

В. И. КОЗЕНКОВА

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СВЯЗЕЙ ВИЗАНТИИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

В 1958 г. в г. Андижане (Ферганская долина) при закладке фундамента здания медицинского института, на глубине 2,5—2,8 м в культурном слое X—XII вв.¹ при наблюдениях были найдены три обрывка тонкой золотой индикации диаметром 1,8 см (рисунок). На одной стороне ее оттиснуто погрудное изображение мужчины. Из-под надетой на голову короны выбиваются короткие крутые завитки волос; небольшая борода обрамляет лицо.

¹ Слои датируются сасанидскими монетами 961—963 гг., определенными О. И. Смирновой. Монеты хранятся в фондах Андижанского областного музея.